

Юрий Лифшиц

Не потускнели вitraжи

Избранные стихи, циклы
СТИХОВ, ПОЭМЫ

Юрий Лифшиц
Не потускнели витражи.
Избранные стихи,
ЦИКЛЫ СТИХОВ, ПОЭМЫ

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22102377

ISBN 9785448345432

Аннотация

У поэта Ю. Лифшица немного стихов. Свою творческую энергию он направил в сторону художественного перевода. Но невозможно переводить стихи, не будучи поэтом. Витражи, созданные Ю. Лифшицем, поражают многообразием, красотой и светоносным воздействием на читателя, который, раскрывая книгу, ощущает тепло, исходящее от этих радужных лучей. При оформлении обложки использовано фото старинного витража из собора Парижской Богоматери (Франция, Париж). Снято 19 августа 2015 г. автором настоящей книги.

Содержание

Не потускнели витражи	6
О поэзии и о поэтах. Моя декларация	7
Стихи	8
Часть 1	8
«Пожелтела трава...»	9
Москва, 1986	10
2. «Кропоткинская. Выход из метро...»	12
3. «Свежевыбрит, отутюжен...»	15
Часть 2	17
«Я виноват перед тобою...»	18
«Была ты лучезарна, как весна...»	19
«Вдвоем мы были одним...»	20
Часть 3	21
Иуда	22
«Мы живем в государстве, которого нет...»	24
Песенка о крысах	25
Русские руины	27
1. «Рассеется, как пыль из-под колес...»	28
2. «Когда окончат онкодиспансер...»	29
Двадцать первый	30
Город Мастеров. Баллада	32
Часть 4	38
Четверостишия	39

Часть 5	44
Отъехавшему другу	45
Несостоявшемуся другу	46
На смерть друга	49
«В небе отражается окно...»	50
Природа	52
Те же бесы	54
Звезды и счастье	55
Ассоль	57
Дворовая	58
Часть 6	61
Сталкер	62
«Жизнь – это не литература...»	64
Когда погаснут русские глаголы...	65
Кирилл и Мефодий	68
Полталанта до бессмертья	71
Бессмертные слова	72
«Пишется сплошная окоlesiца...»	73
Когда...	74
В стране бесконечной строки	75
Александрин	76
Конец ознакомительного фрагмента.	77

**Не потускнели витражи
Избранные стихи,
ЦИКЛЫ СТИХОВ, ПОЭМЫ**

Юрий Лифшиц

© Юрий Лифшиц, 2017

ISBN 978-5-4483-4543-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Не потускнели витражи

*До тридцати – поэтом быть почетно
И срам крошечный – после тридцати.
Александр Межиров*

До тридцати поэт обласкан небом,
сверх тридцати поэты не в чести.
А я до тридцати поэтом не был
и стал поэтом после тридцати.

13 мая 2016

О поэзии и о поэтах. Моя декларация

1. Настоящий поэт – тот, чьи стихи передаются изустно.

2. Настоящих поэтов мало, большая часть их неизвестна.

3. Любой поэт стремится к славе, настоящего поэта она находит сама.

4. Настоящая слава – когда стихи поэта читаются или поются, а имя его неизвестно.

5. Настоящий поэт может обойтись и без славы, и без читателей.

6. Стихи настоящих поэтов западают в душу, прочих – в книги, в сми*, в интернет, в архивы.

7. Настоящие поэты пишут простые стихи, запоминающиеся сами собой.

8. Настоящая поэзия не требует дешифровки, даже если читателю что-то непонятно.

9. Настоящему поэту прощаются даже плохие стихи.

10. Настоящему поэту все равно, кем считают его окружающие – поэтом, не поэтом или тунеядцем.

11. Настоящая поэзия нужна всем.

12. Настоящий поэт не нужен никому.

12 января 2016

СТИХИ

Часть 1

«Пожелтела трава...»

Пожелтела трава,
пожелтела листва,
поиняли веселые краски.
И полуденный зной
отдает желтизной.
Пожелтели любимые глазки.

Желтых стен неуют,
желтый неба лоскут,
желтых дней пожелтевшие даты.
Желтолицый закат
и желтеющий взгляд
в желтых окнах больничной палаты.

Я брожу сам не свой
по желткам мостовой,
и шаги отражаются глухо...
То не осень пришла,
желтизну пролила, —
просто лето болеет желтухой...

Москва, 1986

1. «Ах, Москва, с ума свела!»

Ах, Москва, с ума свела!
Ах, Москва, я твой невольник!
Колокольни, колокольни,
колокольни, купола!

Я шатаюсь день-деньской
по старинным, по исконным:
по Ордынке, по Волхонке,
по Таганке, по Тверской.

В чем тут дело, в чем секрет —
я готов тысячекратно
поворачивать с Арбата
на Калининский проспект.

По пути ль, не по пути —
непременная отрада:
от Кропоткинской пройти
к Александровскому саду.

Ах, Москва, в полон взяла!
Я невольник добровольный.
Колокольни, колокольни,

колокольни, купола!

Я, Москва, навеки твой.
Помолчим перед разлукой.
На прощанье Долгорукий
машет княжеской рукой...

1986, 1987

2. «Кропоткинская. Выход из метро...»

Кропоткинская. Выход из метро.
Сырое утро. Очередь в музей.
Довольно пестрый авангард культуры —
сообщество невыспавшихся граждан,
зевающих, читающих, жующих,
желающих во что бы то ни стало
узреть полотна импрессионистов
из залов Вашингтонской галереи.

И я меж них, притянут той же силой,
тихонько перелистываю книгу,
гекзамером сводящую мне губы
и наполняющую рот слюной
давнишней позабытой детской страсти
по древним и любимым временам.

Итак, стоим. Еще не «запускают»,
и очередь уверенно растет,
и люди, понемногу оживляясь,
завистливо ругают экскурсантов
из профсоюзных «творческих» экскурсий
и иностранцев – им везде дорога...

И вдруг... я вздрогнул, кровь в висках забилась,
по мне прошел тревожный нервный ток:
почудилось, привиделось, приснилось, —
ты от метро идешь наискосок.

Не может быть! Какая-то ошибка.
Ведь ты ушла. Тебя давно здесь нет.
Но ты все ближе. На губах улыбка —
любви полузабытой поздний свет.

И все ушло — дома, деревья, лица...
Звонящая повисла тишина,
и зазвучали надо всей столицей
в одном аккорде наши имена...

«... нет-нет, позвольте, я стоял за ней,
да-да, за этой девушкой в берете,
она — за парнем в кожаном пальто,
а вы — за мной, пожалуйста, не спорьте,
еще вы уходили позвонить
и, возвратившись, не нашли меня,
я тоже отходил недалеко,
пожалуйста, спросите у любого...».

У входа люди вдруг заволновались,
сержант взглянул со вздохом на часы,
затем поправил легкую оградку —
загончик непременно для толпы,
желающей искусству приобщиться, —

ворота наконец-то отворились
и... потекла струящаяся лента —
людской ручей, в оградку заключенный,
под своды вождеденного музея,
переполняя сумрачные залы.

И мне? Идти за ними? Утонуть
в пейзажах? В натюрмортах раствориться?
Вобрать очарованье впечатлений
полуживой отчаявшейся кисти —
на час, на полчаса, на пять минут...
Но прошлое умеет возвращаться,
сжигая воспаленный мозг и нервы
на медленном костре воспоминаний...

За ними! Поминутно спотыкаясь,
с подавленным желаньем оглянуться,
по равнодушным каменным ступеням,
тяжелую отталкивая дверь,
я восхожу – такой же одинокий,
как парус в море на холсте Сёра...

Май-июнь 1986 – 10 марта 1987

3. «Свежевыбрит, отутюжен...»

Свежевыбрит, отутюжен,
как всегда, слегка простужен,
не испорченный наружно
и такой же изнутри,
я шатаюсь по бульварам,
по дворам и тротуарам,
но не трачу время даром —
дело, что ни говори:

незаметно, осторожно
заглянуть в глаза прохожим
и по лицам непогожим
отгадать приход весны;
еле слышно напевая,
прокатиться на трамвае
и, заботы забывая,
золотые вспомнить сны.

А кругом жужжат, как пчелки,
быстроглазые девчонки
и смеются обреченно
и влюбляются в любовь.
Ну, а мне немного странно,
непривычно и досадно:
мне любовь не по карману —

остаюсь самим собой.

Вот и вечер подытожен,
и помочь никак не может
та одна, что всех дороже
и которая вдали;
у которой век не вянут
в вазе алые тюльпаны
и которая не взглянет
в эту сторону земли.

А наавтра, отупюжен,
свежевыбрит и простужен,
протащу по летним лужам
незатейливый ответ
и, вдыхая влажный воздух,
вдруг припомню: скоро осень —
встанут новые вопросы,
а ответов нет как нет...

1986, 1987

Часть 2

«Я виноват перед тобою...»

Я виноват перед тобою
за этот облетевший сад,
за солнце, мглою залитое,
за смех и слезы невпопад.

Я виноват и в том, что было,
в том, что могло быть, виноват
и в том, что ты меня любила
Бог знает сколько лет назад.

Прости за вечный ералаш,
за осень без конца и края,
за не ахти какой шалаш,
за то, что в нем не вышло рая.

За то, что не ушел, прости,
за то, что помешал уйти.

28—31 января 2011

«Была ты лучезарна, как весна...»

Была ты лучезарна, как весна,
и, как весна, прекрасна и свежа,
мне одному навек принадлежа,
была прохладна, но не холодна.

И летом ты была едва тепла,
сверкала, как неяркая заря,
а я пылал, тебя боготворя,
и охладить меня ты не могла.

Но осень становилась все свежей,
и губы стали стынуть на ветру,
а ты была нежаркой поутру,
не становясь под вечер горячей.

И вот пришла студеная зима,
и, сидя перед стильным очагом,
я согреваюсь собственным теплом,
чтоб не сойти от холода с ума.

21—22 февраля 2011

«Вдвоем мы были одним...»

Вдвоем мы были одним,
в обоих было одно,
теперь одной и другим
с тобой нам стать суждено.

В том месте, где мы вдвоем,
уже закрылся сезам,
и поделил окоем
все наше напополам.

Не здесь ты и не сейчас,
хотя мы наедине.
Прощания нет для нас
и нет прощения мне.

Сама ты теперь, я – сам,
теперь – вразлад и вразлет,
а если больно глазам,
то это скоро пройдет.

3—4 мая 2012

Часть 3

Иуда

Нет, не повесился Иуда,
живет на пенсии покуда,

тоскует, правда, по работе
в мечтах о нераспятой плоти.

С евангелических времен
стал профессионалом он,

а без работы заскучал
Иуда-профессионал.

Поскольку жить не вмоготу,
Иуда молится Христу:

«Помилуй грешника, Создатель,
я по призванию предатель».

Прости, но я готов опять
Тебя, Распятого, распять.

Ты знаешь, мы, Искарיותы,
ни дня не можем без работы».

Вдруг показалось, что уста

зашевелились у Христа:

«Ах, бедный Мой Искарот,
вновь за тобой пойдет народ,

твой труд останется в цене,
и снова ты послужишь Мне».

28—29 мая 1996

«Мы живем в государстве, которого нет...»

Мы живем в государстве, которого нет
в галерее времен, в лабиринте планет.
Мы – раскольники славы и чести чужой —
со своею судьбою идем вразнобой.

Мы живем в государстве, которого прах
амальгамой лежит на слепых зеркалах.
Отражения растворены в пустоте.
Мы свои и ничьи; мы и те, и не те.

Мы живем в государстве, которого след
затерялся в мечте под названием «Нет».
Мы – слепая звезда, мы – глухая река;
не осталось от нас ни луча, ни глотка.

Очарованный плес, опрокинутый лес,
золотой окоем вплоть до самых небес.
И ребенок стоит над морскою водой:
ни щербинки в душе, ни гроша за душой...

Песенка о крысах

голоса наши глуше глуше
наши глотки все суше суше
глухота наша движет души
не поем мы в душе и в душе
ни на озере ни на суше
ни в пивбаре ни в баре-суши

а слова наши моросят
заглушая шажки крысят
это крысы для них крысят
а крысята для крысенят

не глаза у нас а стекло
и в сердца стекло затекло
и глядим мы своим стеклом
на стеклянный мир за окном
и на нем стеклу вопреки
оставляют след коготки

оскудела у нас земля
не ложится в нее пшеница
сколько поле ни засевай
не рождается урожай
там восходят не колоски
а крысиные волоски

а стишки наши моросят
заглушая прыжки крысят
это крысы для них крысят
а крысята для крысенят

31 августа 2011

Русские руины

Посвящается Орску

1. «Рассеется, как пыль из-под колес...»

Рассеется, как пыль из-под колес,
непостоянной жизни постоянство,
и небо включит радужный насос,
выкачивая время из пространства.

И нолики пойдут, держа в горсти
краюшки неприкаянного края,
чтобы себе на крестик наскрести
в окрестностях расхристанного рая.

Как ростовщик, закрывший уши ватой,
чтобы вкусить оплаченный покой,
здесь повернулись небеса спиной
к земле, пред ними вечно виноватой...

Август 2005 – 9 декабря 2011

2. «Когда окончат онкодиспансер...»

Когда окончат онкодиспансер,
он будет никому уже не нужен,
и черный рак, скребясь по черным лужам,
засвищет после дождичка в четверг.

Когда начнут перинатальный центр,
рожать уже не смогут даже дети,
а кто здесь вымрет – эти или йети, —
потом наврет ученый гео-мэтр.

Придут ацтеки или ассирийцы,
в руинах орских роясь и роясь,
глазеть на одноразовые шприцы
и, хохоча, плевать в чужую грязь.

А где-то старый мистер или герр,
полузакрыв слезящиеся веки,
вдохнет о том, что унеслось навеки,
о юности своей – СССР...

21 декабря 2011 – 9 января 2012

Двадцать первый

И не надо мне прав человека

Я давно уже не человек.

Владимир Соколов

Молиться за людей – это кровь проливать.

Силуан Афонский

Осиянный кровавой славой
век двадцатый исчез навек,
а за ним семенит кровавый
двадцать первый дремучий век.

Мне не надо такого века
добровольно сомкнутых век,
где слепые права человека
стоят больше, чем человек.

Прежде волком в овечьей шкуре
малых сих соблазнял авгур,
а теперь предстают в натуре,
и не надо им больше шкур;

шлют архангелов на закланье —
и несут свой сверхточный свет
серафимы бомбометанья,

херувимы крылатых ракет.

Мы достигли последних стадий
несвободе своей под стать,
чтоб единого стада ради
продаваться и умирать.

Но, презрев вековые битвы,
знает тихий афонский скит,
что на чистой крови молитвы
жизнь расхристанная стоит.

2—4 ноября 2015

Город Мастеров. Баллада

Среди лесов, полей и рек,
степей и грозных скал
веселый Город Мастеров
когда-то процветал.

Далеко ото всех столиц
и крупных городов
собою горд и духом тверд
был Город Мастеров.

Трудились там и стар, и млад
совсем не задарма,
но возводили там для всех
бесплатные дома.

Аллеи, парки и сады
росли как на дрожжах,
и славный Город утопал
в деревьях и цветах.

Одежду шили Мастера,
тачали сапоги,
варили пиво и пекли
блины и пироги.

Растили хлеб, держали пчел
и ткали полотно,
ловили рыбу, скот пасли
и делали вино.

Стихи писали Мастера
и музыку к стихам,
и вечно был набит битком
театр по вечерам.

Играли свадьбы что ни день,
суля влюбленным рай.
А сколько было там детей —
поди их сосчитай.

Детей учили Мастера
лечили стариков...
Но вдруг напали Дураки
на Город Мастеров.

Им говорили Дураки:
живете вы не так,
но вас мы можем научить,
мы знаем, что и как.

Никто не ведал, не гадал
об этих Дураках,
но показалось всем тогда,
что правда в их словах.

Хоть было от таких речей
обидно Мастерам,
решили все-таки они
поверить Дуракам.

И те тотчас же принялись
рубить, крушить, ломать,
и, разом все переломав,
сломали все опять.

Лишили начисто всего
наивных Мастеров:
земля, вода и даже свет
в руках у Дураков.

Все развалили, все смели
до крошки, до глотка,
отныне в Город даже хлеб
везут издалека.

Законы пишут Дураки
вершат неправый суд,
а скажешь слово поперек —
в два счета рот заткнут.

Разбогатели Дураки
и в сладком забытии
на ветер сыплют барыши

чужие, как свои.

А если спросишь про доход —
грозят перстом руки:
нельзя заглядывать, друзья,
в чужие кошельки.

Аллеи, парки и сады
пустили на дрова,
чтоб магазинам застить свет
не смели дерева.

Все исковеркали вконец,
одну имея цель,
чтоб все на свете превратить
в кабак или в бордель.

Теперь не ценится совсем
простой и честный труд,
и если не воруеть ты,
тебя же осмеют.

Не учат ничему детей,
не лечат стариков.
Велели всем за все платить:
не можешь — будь здоров!

Ссужают деньги Дураки
с немалою лихвой,

но если в срок не возвратишь —
ответишь головой.

И Мастерам пришлось тогда
покинуть отчий край,
а сколько с места их снялось —
поди-ка сосчитай.

И разъезжаются они
искать Фортуны там,
где жизнь испортить Дураки
не могут Мастерам.

И все, кто голову еще
имеют на плечах,
бросают дом, чтоб Дураков
оставить в дураках.

Но им на это наплевать,
известно им давно,
что все оставить край родной
не смогут все равно.

Немного в Городе детей,
но много стариков,
и остаются все они
в руках у Дураков.

Не ведает никто из них,

что впереди беда,
и скоро Город Мастеров
исчезнет навсегда.

И не оставить Дуракам
опустошенных мест,
ведь перессорились они
с Придурками окрест.

...Среди лесов, полей и рек,
степей и грозных скал
веселый Город Мастеров
когда-то процветал.

Далеко ото всех столиц
и крупных городов
собою горд и духом тверд
был Город Мастеров...

11—17 ноября; 1 декабря 2016

Часть 4

Четверостишия

* * *

Я доказал существование Бога
И даже – без особого труда.
И остается в сущности немного:
Поверить в Бога раз и навсегда.

* * *

Не знаю, с нами Бог или не с нами,
Мы все-таки служить Ему должны.
Рабам Господним, ставшим господами,
В товарищах не быть у Сатаны.

* * *

А смерти нет – и не пугайте раем,
Не соблазняйте адовым огнем, —
Не потому что мы не умираем,
А потому что вовсе не живем.

* * *

Когда юродствуют витии,
То это значит – жди Голгоф.
Когда орут «Спасай Россию!»,
То это значит – «Бей жидов!».

* * *

Мы счастье как лунатики пасем,
Затапывая лунные дорожки.
А если кто и счастлив в мире сем,
Так это окотившиеся кошки.

* * *

В результате сверхусилий
Юдофобы на мели:
И жидов не истребили,
И Россию не спасли.

* * *

Напрасно на виду у поколений
Устроен кумачовый маскарад.
Не утаить кровавых преступлений —
На красном кровь заметнее стократ.

* * *

Утверждают и недаром,
что кругом одни хазары.
Кинешь камень или нож —
и в хазара попадешь!

31 мая 2010

* * *

Если хочешь быть счастлив и горд,
так устрой жития бытиё,
чтоб чертою пурпурною Ворд,

не подчеркивал имя твоё.

15 января 2013

* * *

Любовь всегда изгнание из рая...
И, дням эдемским подводя итог,
Адам промолвил, Еву обнимая:
– Рай без любви?.. Мы не вернемся, Бог...

2 августа 2013

Чтоб он сгорел!

Банк загорелся – все в недоуменье:
никто на помощь банку не спешит.
Пожарных не пускает население:
– Пусть банк горит – погасится кредит!

30 января 2014

Поэзия должна быть глуповата?

*Твои стихи к Мнимой Красавице
(ах, извини: Счастливице) слишком умны.
– А поэзия, прости Господи, должна быть
глуповата.*

*Из письма А. Пушкина к П. Вяземскому
(май, 1824)*

Что сказано поэтом, то и свято,
но речь поэта не всегда точна:

поэзия должна быть глуповата,
но быть отпетой душой – не должна.

5 марта 2014

Майдан и Майданек

Стремятся облапошить ванек,
сравнить с одним другой народ.
А что же будет через год?
Майдан, майдановец, Майданек...

9 марта 2014

Кто кого попутал?

«Меня попутал бес!» – таких словес
произносить иным не стоит плутам.
А ну как заорет из бездны бес:
«Не я – тебя, а ты меня попутал!»

4 апреля 2014

* * *

Вчерашний раб выходит в господа,
собратьев бывших давит без причины.
Останешься рабом ты навсегда,
в себе не уничтожив господина.

22 марта 2014

* * *

Различий половых в искусстве нет,
но иногда встречаются фемины:
стремятся описать весь белый свет,
а все выходит монолог вагины*.

31 августа 2014

*Ив Энцилер. Монологи вагины (2001 г.)

Гений и семья

– Пришла домой – посуда не помыта,
не кормлен кот и не наточен нож...
– Пенять не стоит на издержки быта,
ведь ты же с гением живешь!

11 сентября 2014

За всех!

В преддверии предвыборных утех
предаться думам свойственно поэту:
была графа когда-то «Против всех»,
зато графы «За всех» доселе нету.

15 сентября 2014

Часть 5

Отъехавшему другу

Земля обетованная. Печаль
такая же, как и во время оно.
Сухая комариная пищаль
сочится из пазов Бен-Гуриона.

Застыла птица. Двигатель заглох
иль остановлен, что одно и то же.
Теперь за все в ответе только бог,
на Бога совершенно не похожий.

На все про все – одышка и слеза,
засохшая на сгибе мокасином.
И чешуя козырного туза.
И жажда. И любовь к трем апельсинам.

Один – за тех, кому не повезло.
Другой – за то, что стало недоступно.
А третий – так. Наверное, назло.
Зато он самый сладкий. Самый крупный.

Сентябрь 1997 – 2 июня 1998

Несостоявшемуся другу

Со мной Вы были Моцартом, мой друг,
а без меня останетесь Сальери.
Вам, друг Сальери, было б недосуг
сдружиться даже с Данте Алигьери.

Вы не были мне другом. Никогда.
А стать моим врагом – не в Вашем стиле.
А стали бы – о счастье! – Вы тогда
меня бы непременно отравили!

Любить, а не трепаться о любви —
вот наша философия, Гораций!
Сперва влюбись, а там – хоть отрави
игрой аллюзий и аллитераций.

Ты полюби, а там – хоть отравись!
А Вы, мой друг, отравлены – собою.
Там асмодеи заползают в мысль,
где нету амадеев под рукою.

Без вольфгангов в любые времена
не обуздать ни шепота, ни грома.
Кому такая музыка нужна,
где на стакан пятнадцать капель брома?

Со мною Вы стать Моцартом могли.
Два Моцарта – не так уж это много.
Участок неводеланной земли
талантливей, чем пошлая дорога.

Но Вам любить, к несчастью, не дано.
Вам не до комплиментов и оваций.
Вам подавай элитное кино
для элитарных же интерпретаций.

Но жизнь не принимает режиссур
иных, помимо высшей режиссуры.
И не указ нам Шпет или Соссюр,
когда мы все тут шпеты и соссюры.

Поэтому, Сальери, друг мой, – нет,
не друг... но и не враг же в самом деле! —
не бойтесь: ради Вас мой пистолет
стреляет регулярно мимо цели.

И этот выстрел тоже в «молоко»
(а Вы ужалить в сердце норовите).
Признаюсь Вам, мне было нелегко
считать себя придворным в Вашей свите.

Я ведь и сам, Вы знаете, король,
лишенный, впрочем, королевской доли.
Но я привык, играя эту роль,
не выходить за рамки этой роли, —

затем что, находясь под каблучком
прекрасной, но капризной королевы,
не вижу ничего дурного в том,
что внук Адама служит внучке Евы.

Прощайте... на тринадцатой строфе.
Прощайте... на пятидесятой строчке.
За все и даже... за аутодафе
спасибо Вам. Дошедшее до точки.

12 января – 25 февраля 2000

На смерть друга

Вячеславу Петрову

Ушел он перед Рождеством,
чтоб сердца светлые печали
еще светлей и чище стали
под новорожденным лучом.

И лучезарная душа,
оставив стынущее тело,
легко от тела отлетела,
вздохнуть по-новому спеша.

Из плотских выбралась кулис,
на поднебесные подмости,
где только звезд безмолвных блестки,
и не поймешь, где верх, где низ.

Отныне ей не нужен грим —
душе, покинувшей границы,
и вот она, волнуясь, мчится
на встречу с Господом своим...

6—7 января 2011

«В небе отражается окно...»

И так же будет неба дно

Смотреть в открытое окно...

И. Бунин. Настанет день – исчезну я

В небе отражается окно,
я гляжу на небо из окна,
и в глазах моих отражено
небо, отраженное до дна.

Небо, мы давно с тобой на «ты» —
отчего же пусто мне с тобой?
В глыбе голубиной пустоты
взор твой затерялся голубой.

А когда я выйду на карниз
и пойду по скользкому лучу,
небо, ты меня потянешь вниз
тем, что от тебя я получу.

Шаг... другой... и третий... и еще —
по лучу бреду я, как в бреду.
Можно не сбивать меня пращой,
я и сам, наверно, упаду.

Все равно – восход или закат,

все равно – надир или зенит, —
тонкий луч натянут, как канат, —
по нему нога моя скользит.

Я гляжу по-прежнему в окно,
вижу – кто-то выпал из окна,
а в глазах немых отражено,
небо, отраженное до дна.

27—30 сентября 2012

Природа

...никакой от века

Загадки нет и не было у ней.

Ф. Тютчев. Природа – сфинкс...

ни о чем природа мне не говорит
разве что природа кормит и поит
разве что природа смертью одарит
разве что в природу буду я зарыт

никого не любят реки и поля
никому не верят небо и земля
не дарит надежды глядя в никуда
жареного солнца рыжая звезда

но зачем природе столько красоты
женщины и кони звезды и цветы
почему прекрасно что ни есть вокруг
что на свет явилось не из наших рук

для чего нам вечность с музыкаю сфер,
почему искусство выше всех химер
для чего любовь нам для чего нам бог
если нам известен наших дней итог

ни о чем природа мне не говорит

разве что природа кормит и поит
разве что природа смертью одарит
разве что в природу буду я зарыт

6 апреля 2012 – 10 марта 2014

Те же бесы

Истомилась мостовая,
оступаясь по холмам,
потому что вьюга злая,
заблажила сквозь туман.

Сыплет стылые кошмары
с перестуженных полей
в перетруженные фары
перепуганных зверей.

Оснеженная рулетка,
тоже русская поди:
ни разметки, ни разведки,
на запретки впереди.

И, бросаясь под колеса,
полоса за полосой,
бесы россыпью белесой
сеют смерть на мостовой.

7—14 февраля 2015

Звезды и счастье

Кто рожден под счастливой звездой,
на земле прозябает уныло,
потому что все счастье с собой
забирает астральная сила.

Если ты не знавал никогда,
ни любви, ни хотя бы участия,
значит, в небе смеялась звезда,
задыхаясь от млечного счастья.

Если ж люди счастливы окрест
от рождения и до погоста,
значит, свой поднебесный насест
покидают несчастные звезды.

Умирают они по ночам,
искрой перечеркнув мирозданье.
С неживыми не стоило б нам
согласовывать наши желанья.

А всего несчастливей звезда,
отлетевшая днем или утром,
незаметно горя от стыда
незаметным своим перламутром.

Потому-то нам счастья и нет
в этой жизни, воистину тленной,
ибо счастья всеобщего свет
перегасит все звезды Вселенной.

Но такого не будет вовек:
мироздание к нам равнодушно,
и когда несчастлив человек,
значит, это кому-нибудь нужно.

Ну, а если счастлив невзначай,
не гордись воплощенной мечтою,
ибо твой ослепительный рай
несчастливой оплачен звездой.

2 октября 2015

Ассоль

Навек забыла бабушка Ассоль
любви и моря противостоянье,
а в сердце заблудившаяся боль
перетекла в пасьянсы да вязанье.

Устала насмерть матушка Ассоль:
хозяйство, дочь, трактирчик придорожный.
И сколько о любви ни балаболъ,
из женихов – бездельник да острожник.

Взлетает к солнцу девушка Ассоль
и наяву, и в мыслях легкокрылых.
Горячечной любви морская соль
растворена в ее мечтах и в жилах.

...Вот в море алый парусник возник.
Все замерли – к которой из троих?

31 мая – 19 июля 2015

Дворовая

В этот дом со знакомыми окнами
шел не улицей я, а проулочком
и всегда замечал под балконами
одинокую стоящую дурочку.

И дымила она папироскою,
и носила нелепые платица,
и ругалась она с недоростками,
и могла ненароком расплакаться.

Дремлют пятиэтажные тополи
в беспокойном дворе моей памяти.
Сколько троп мы под ними протопали
до того как подернулись патиной.

Нет уж ни тополей, ни родителей
в стариковских пальтишках заношенных,
нет на лавочках бабушек бдительных
и стучащих с утра доминошников.

Погрустнели пенаты облезлые,
став хрущобами и перестарками,
и захлопнулись двери железные,
и дворы обросли иномарками.

Сломан корт, где мы шайбу футболили,
и в асфальт, не расчерченный в «классики»,
смотрят только коты сердобольные
через окна из модного пластика.

Сколько нынче детей в целом городе,
столько было тогда в нашем двореке.
Не расслышать в теперешнем грохоте —
прятки, салочки, крестики-нолики.

А зимой вместо чистописания
ребятишки на улице носятся,
где красивая девочка самая
мне попала снежком в переносицу.

А когда я вернулся из армии,
целовались мы так с этой девочкой,
что порой улыбалось парадное,
грея нас радиаторной печкою.

Мы лет сорок все так же целуемся,
как когда-то юнцами зелеными,
но не бродим до света по улицам,
ведь подъезды теперь с домофонами.

В этот дом с незнакомыми окнами
я иду, как обычно, проулочком
и встречаю опять под балконами
одинокую прежнюю дурочку.

Покурить бы сейчас с ней на лавочке,
обсудить, что творится по «ящику»,
но боюсь, что старушка расплчется,
и на кой мне курить, некурящему?..

21—24 октября 2016

Часть 6

Сталкер

Ивану солоно пришлось.
Он не роптал. В нем зрело слово.
Он с детства возлюбил до слез
иконы инока Рублева.

И, восприяв благую весть,
вступил он в океан без страха,
стремясь идеям предпочесть
завет блаженного монаха.

Но океан не принимал —
ни самого, ни отражений, —
и кривизной своих зеркал
готовил кораблекрушенья.

Был выброшен его ковчег,
усталый пасынок вселенной,
на приторно-радушный брег,
до ностальгии вожденный.

Когда ж снотворное жите
удавкою коснулось шеи,
он сердце потушил свое
в прощальном жертвоприношенья...

1987 (?)

«Жизнь – это не литература...»

– Жизнь – это не литература,
реальность музыки важней,
шедевры Дрездена и Лувра
ничтожнее календарей.

– Но что за жизнь без партитуры?
Мольберт мощней, чем естество.
А всё, что не литература,
бесплодно, сухо и мертво.

16 марта 2008

Когда погаснут русские глаголы...

Люблю я не глаголы, а наречия.
Они мне существительных родней.
В наречиях я слышу голос веча
и речь волхвов, и клич богатырей.

Числительных или местоимений
близка мне многоликая печаль.
И пылких прилагательных стремлений
до слез порою мне бывает жаль.

Но только в них, в наречиях, трепещет
исконный пульс родного языка
и каждой вещи колокольчик вещей,
и вечных смыслов влажная тоска.

Наречия пришли со всех окраин,
нестройных слов веселая толпа.
Их ведали и царь, и Ванька Каин
сыздетства, спрехвала или сглупа.

Наречия живого просторечье —
завет неизреченной старины.
Наречия – ведь это же наречья,
и мы хранить их бережно должны.

Они одни от века неизменны,
им не до существительных причуд,
они не прилагательные сцены
и, как глагол, они не предают.

Они одни не знали окорота,
не признавали никаких оков.
Они прошли сквозь узкие ворота
голландских и немецких мастеров.

Промчалось время гулких междометий,
союзов и частиц пора пришла,
но в каждом слогe каждого столетья
стозвонные я слышу купола.

Наречий колокольные калики,
они звучат впопад и невпопад,
они звучат по всей Руси великой,
они над всей Вселенною звучат.

Где мы – в начале поприща земного
или в конце – как знать наверняка?
Но, все науки превзойдя до слова,
мы без наречий – как без языка.

Родной язык рожден не для нагрузки —
пускай английский ходит в прикладном.
Нам, русским людям, говорить по-русски,
по-русски надо с русским языком.

Когда погаснут русские глаголы,
иссякнет существительных родник,
уйдут местоимения из школы, —
наречия спасут родной язык!

14—15 ноября 2012

Кирилл и Мефодий

Наложил епитимью игумен:
десять раз переписать Писанье.
Старый хрыч воистину безумен —
подвергать такому наказанью.

Не добрался я и до пророков,
завозился на Второзаконье.
Будет мне и таска, и попреки, —
это все отца Кирилла козни.

Это все отца Кирилла дрязги:
слова сам не скажет без баклажки,
а меня за то подвел под розги,
что хлебнул я тихомолком бражки.

Бражка хороша! Нацедишь плошку —
благорастворение воздухов!
И, цедя из плошки понемножку,
гредишь всласть... до первой оплеухи.

Ты опять, Кирилл, старик спесивый,
уши мне надрал, инда опухли!
А не у твоей ли Ефросиньи
под рубашкой титечки набухли?

Не спущу я ей, попомни, отче,
завалю ее на сеновале.
Лучше б ты, Кирилл, следил за дочкой,
чтобы одна не потрепали.

Хорошо, что есть отец Мефодий,
не скажу о нем худого слова:
он и в службе, он и в огороде,
право же, походит на святого.

Весь в делах, в заботах благочинных,
в келье шагу не ступить от книжек;
спросит наколоть ему лучины
и до зорьки пишет, пишет, пишет.

И со мной Мефодий тоже ладит,
даже за провинность не ударит,
призовет, по голове погладит,
леденцом иль яблочком одарит.

Видит – плачу, оботрет полою
мне глаза – и все не так обидно.
Только покачает головою,
перекрестит, даже станет стыдно.

А порой к нему Кирилл приходит
и вопит, как будто слабоумен.
И чего с ним говорит Мефодий?
И чего их слушает игумен?

Говорит Кирилл, руками машет,
горячится, брызгает слюною,
а Мефодий кротко слово скажет
и глядит с улыбкой пред собою.

В чем их спор – не ведают и братья,
только знай кивают головами.
Мне же и вовек не разобраться,
что стоит за теми словесами.

Но уйдет Кирилл, и вот что странно:
сколько вздора он ни набуравит,
а Мефодий думает изрядно
и всю ночь написанное правит.

Эх, епитимья мне не по силам:
за всю жизнь исполню ли – не знаю.
И чего-то жаль мне Ефросинью.
Это что еще за наказание?

1—7 апреля 2014

Полталанта до бессмертья

«Вам полталанта не хватает до бессмертья —
хотите верьте мне, хотите мне не верьте.
Вас часто приглашают выступать в концерте,
но полталанта не хватает для бессмертья».

«Вам полталанта не хватает до бессмертья.
Пусть гонорары присылают вам в конверте,
но вы бессмертье гонорарами не мерьте.
Вам даже смерти б не хватило для бессмертья».

2—3 февраля 2015

Бессмертные слова

Сравнений перепляс,
метафор жернова,
краесогласья нить
не окунутся в Лету,
но главное для нас —
бессмертные слова
искать и находить
положено поэту.

Однажды отгорит
последний окоем,
прощальная листва
мелькнет перед глазами
и вспыхнет синева
бессмертными словами —
и Бог заговорит
на языке твоём.

26 июля 2015

«Пишется сплошная окоlesiца...»

Александрю Измалкину

Пишется сплошная окоlesiца:
нет ни ангела в ней, ни черта.
Потому и хочется повеситься
и не на бумаге, а с листа.

Но стишков творение летальное
для поэта – звездный аттестат,
потому что Тот, Кто видит тайное,
за прекрасный замысел воздаст!

23 февраля 2015

Когда...

Когда в тебе кипит императив
твоих категорических мелодий,
ты пьешь мечту, мечтою закусив,
красив и весел, молод и юродив.

Но миг прошел – и выпита мечта,
развеселить тебя уже непросто,
немолод ты, в тебе кипит юродство,
зато играешь музыку с листа!

27—30 апреля 2016

В стране бесконечной строки

Бессмертны, подвижны, легки,
навекы уходят поэты
с неверного белого света
в Страну бесконечной строки.

В Стране бесконечной строки
на звезды, кометы и луны
натянуты нежные струны
иной – безмятежной – тоски.

Иной – безмятежной – тоски
там плещутся тихие звоны,
плывущие в чистое лоно
безбурной небесной реки.

Безбурной небесной реки
там хватит любому поэту,
бредущему с этого света
в Страну бесконечной строки.

13 апреля 2016

Александрин

А стих александрийский?..

А. С. Пушкин. Домик в Коломне

Люблю александрин! Поэзии стопою,
ступая по слогам, он движется легко.
Веками изощрен, всегда он под рукою,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.